

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.11611

ББК 83.3(2)-6-8

DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-134-145

**РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ
М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» (НА МАТЕРИАЛЕ
ГЛАВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВЁШЕНСКОМУ ВОССТАНИЮ)**

Елена Сергеевна Макарова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Аннотация. М. А. Шолохов в романе «Тихий Дон» создал уникальную галерею самобытных женских образов – образов казачек. Данная статья посвящена осмыслению роли женских образов в русле повествования о Вёшенском восстании – ключевом событии третьей книги и романа «Тихий Дон» в целом. Художественная репрезентация казачек в главах о Вёшенском восстании рассмотрена как одна из характерных черт индивидуально-авторского стиля М.А. Шолохова.

Ключевые слова: *М. А. Шолохов, «Тихий Дон», женские образы, Вёшенское восстание, стиль, стилевые доминанты*

Для цитирования: *Макарова Е. С.* Роль женских образов в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» (на материале глав, посвященных Вёшенскому восстанию) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 134 – 145.

Original article

**ROLE OF WOMEN CHARACTERS IN THE NOVEL
AND QUIET FLOWS THE DON BY M. A. SHOLOKHOV
(BASED ON THE MATERIAL OF THE CHAPTERS
DEDICATED TO THE VESHENSKAYA UPRISING)**

Elena S. Makarova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract: M.A. Sholokhov in the novel "And Quiet Flows The Don" created a unique gallery of original female images – the images of the Cossacks. This article is devoted to the consideration and understanding of the role of female images in the course of the narrative of the Vyoshenskaya (Upper-Don) uprising – the key event of the third book and the novel "And Quiet Flows the Don" as a whole. When creating the characters of the Cossacks, Sholokhov seeks to follow the historical truth and embody the disharmonious state of the world, where women, faced with revolutionary and military events, for the most part do not take part in the political struggle and retain their inherent gender traits –

female wisdom, sensitivity, comprehensive mercy. The artistic representation of the Cossack women in the chapters on the Vyoshensky uprising is considered as one of the characteristic features of M. A. Sholokhov, since it was in the system of female images that the spiritual and valuable essence of any non-warrior who fell into the events of the Civil War was embodied with particular clarity and relief.

Key words: *M.A. Sholokhov, And Quiet Flows the Don, women character images, Veshenskaya uprising, literary style, stylistic dominant feature*

For citation: *Makarova E. S. Role of Women Characters in the Novel And Quiet Flows the Don by M.A. Sholokhov (Based on the Material Of The Chapters Dedicated to the Veshenskaya Uprising) // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 3. P. 134– 145.*

Введение

События весны – лета 1919 г. в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» представляют собой наиболее яркие и эпичные страницы. Для создания полнокровного, исторически правдоподобного образа Вёшенского восстания Шолохов обращается ко всему арсеналу творческих приемов. Писатель изображает это масштабное событие, используя оригинальные композиционные решения, обращаясь к психологическому параллелизму, портретным и пейзажным зарисовкам, символике, диалогам и монологам героев, в том числе их речевой характеристике, укрупняя художественные детали, привлекая аллюзии на религиозные, фольклорные и литературные сюжеты, живописуя батальные сцены, вводя в текст исторические документы, обширные лирические отступления и т. д. Ключевую роль в художественном воплощении центрального события шолоховского романа, безусловно, играет система образов персонажей, а значит, и воплощение женских типов.

В.В. Гура справедливо заметил, что «в созданных автором “Тихого Дона” образах выразились узловые обстоятельства времени, с большими историческими событиями связаны судьбы его героев» [Гура, 1989, с. 433–434].

В литературоведении многократно рассматривалась система образов романа «Тихий Дон», ее касались в своих работах Л.Г. Якименко, А.Ф. Бритиков, С.Н. Семанов, С.Г. Семенова, Ю.А. Дворяшин, Я.В. Солдаткина, Н.М. Муравьева, П.В. Кукса и др. Пожалуй, в романе Шолохова среди 699 персонажей не найдется ни одного, чья роль не была так или иначе осмыслена в науке.

Женские образы в романе Шолохова также ранее уже рассматривались: ученые обращались к воплощению образа матери (А.П. Чалова), к анализу образов Аксиньи, Натальи, Дарьи (Е.И. Диброва, С.Г. Семенова, А.Ф. Бритиков), ряд работ посвящён образу Анны Погудко (С.-А. Юралевиц). Казалось бы, тема женских образов в романе исчерпана. Однако до сих пор не было сколько-нибудь подробного исследования роли женских образов в главах о Вёшенском восстании. Цитаты из романа приводятся по первому научному изданию «Тихого Дона» (2017).

Исследование и его результаты

Пожалуй, во всем мире известны образы русских женщин, созданные М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». Аксинья, Наталья, Дуняшка, Дарья,

Ильинична и другие женщины-казачки, безусловно, являются яркими самобытными характерами. Их образы носят неповторимый отпечаток эпохи начала XX в., но при этом содержат традиционные этнокультурные черты.

В истории литературы о революции 1917 г. и Гражданской войне известны разные стратегии воплощения женских образов. Литература знает и примеры самозабвенных революционерок (Тая в романе Н. Островского «Как закалялась сталь», Даша в романе Ф. Гладкова «Цемент», Марютка в рассказе Б. Лавринева «Сорок первый»), и женщин, разделяющих воззрения белогвардейцев или находящихся в отстранении от политической борьбы (героини романа М. Булгакова «Белая гвардия», героини Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго»).

Шолохов здесь идет за исторической правдой изображаемого: героини-казачки «Тихого Дона» подчеркнуто отстранены от революционных и военных событий, что свойственно патриархальному быту описываемой в романе среды.

Духовный мир и быт казаков и, тем более, казачек никогда ни до романа Шолохова, ни после него не были столь полно и ярко выражены в литературе. Шолохов дает нам представление о совершенно уникальном типе женщин: казачки наравне с мужчинами с детства были приучены к тяжелой работе, понимали толк в лошадях и верховой езде (вспомним, как Дуняшка смеялась над пришедшими в хутор красными: *«Как они верхами ездют! Уж он по седлу взад-вперед, взад-вперед... А руки в локтях болтаются. И сами – как из лоскутов сделанные, все у них трясется!»* (2, с. 108), а о Дарье известно, что она и вовсе умела править конем *«по-казацки»* (1, с. 227), хотя это как раз было нетипично, ведь женщины нечасто ездили верхом). При этом казачки не умели обращаться с оружием – орудием насилия, убийства, безусловно, глубоко чуждым, враждебным природе женщин «Тихого Дона», ведь согласно традиционной патриархальной модели, казак – добытчик и воин, а казачка – хранительница домашнего очага и мира.

Вплоть до водворения войны на подступы к станице женщины «Тихого Дона» представляют собой оплот домашнего уюта, мира и покоя: в «мирных» главах в присутствии женщин и, более того, устами женщин не произносятся суждения о революции и войне. Несмотря на то, что война для казаков была делом привычным, она никогда не велась у собственных куреней, не была братоубийственной. Именно поэтому суждения женщин о политических событиях возникают лишь в главах о Гражданской войне, особенно часто они встречаются в главах о Верхне-Донском восстании, когда военные события буквально касаются героинь, вторгаясь в их хутора, семьи, курени.

Война обрушилась на жизнь казачьих станиц и хуторов, взвалила на женские плечи заботы о хозяйстве в отсутствие мужчин, ушедших на войну или погибших на ней (вспомним, как после расстрела Мирона Григорьевича Лукинична просит Григория помочь ей с посевом: *«Остались мы сиротами, никому мы не нужны, всем-то мы чужие, лишние!.. Ты глянь-кось, как хозяйство наше рухнулось!»* (2, с. 243)).

Казачки не пытаются вмешиваться в политические события, высказывать мнение о них. Будучи далекими от политики, женщины будут судить о происходящем лишь с точки зрения гуманизма (вспомним момент оплакивания Петра или Мирона Григорьевича, где женщины раздавлены тем, что их мужчин погубили хуторяне или станичники, о сути противостояния коммунистов и белоказаков они не размышляют). Лейтмотивом будет идти образ «болящей души» (например, у Натальи «*вся душа изболелась*» (2, с. 393), у Ильиничны «*сердце <...> болит об Грише... Так болит, что ничего <...> не мило и глазам глядеть на свет больно...*» (2, с. 627)).

Женщины «Тихого Дона» воспринимают войну и восстание как страшную трагедию, стихийное бедствие. Именно материнское сострадание к жертвам политических событий является ведущим умонастроением героинь романа. Сквозь призму женского сознания автор передает общенародное ощущение скорби и неприятия военных событий внутри страны.

Шолохов создает целую галерею образов матерей, которые безразличны непосредственно к политическим катаклизмам, равнодушны к противоборству сторон. Они страдают, «болеют душой» и за красных, и за белых. Здесь уместно вспомнить общеизвестную истину о том, что чужих детей не бывает. Именно она ярко дается Шолоховым в образах женщин-казачек старшего поколения, лишенных политического кругозора, но склонных сердцем чувствовать несправедливость войн, жестокость времени.

Такова «*величественная и дородная старуха*» из станицы Казанской, которая спасает пленного красноармейца, притворявшегося сумасшедшим. В ее словах звучит истинная материнская любовь: «*У меня двух сынков в германскую войну сразили, а меньший в эту войну в Черкасском помер. <...> Вот через это и жалею я всех молодых юношей, какие <...> на войне воюют <...> Я не одна такая-то, все мы, матери, добрые... Жалко ить вас, окаянных, до смерти!*» (2, с. 389 – 390). Женщина, мать, по Шолохову, создана любить, жалеть, оберегать – вот понимание ее жизненного предназначения в мире «Тихого Дона».

Конечно, вершинный образ материнской любви Шолохов воплощает в Ильиничне. В ней слились воедино житейская мудрость, всепоглощающая любовь к детям и внукам (и к своим, и к чужим), сострадание и полнейшее неприятие войны. Провожая Григория на фронт, Ильинична, переживая за него, горюет и об убитых ее сыном людях, и об их детях: «*Бога, сынок, не забывай! Служом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил. <...> Гришенька, опамятуйся! <...> и у этих, загубленных тобой, тоже, небось, детки поостались...*» (2, с. 280).

Уже в авторском лирическом отступлении читаем квинтэссенцию материнской скорби о трагедии Гражданской войны: «*...и где-либо <...> мать красноармейца, получив извещение том, что сын “погиб в борьбе с белогвардейщиной за освобождение трудового народа от помещиков и капиталистов...”* – *запричитает, заплачет. Горючей тоской оденется материнское сердце, слезами изойдут тусклые глаза*» (2, с. 247). В этих пропитанных болью строках звучит стон матерей, не понимающих и не приемлющих страшных убийств их сыновей, совершаемых их сыновьями. Недаром Шолохов вводит сухую цитату из

извещений-похоронок: «погиб в борьбе...», «освобождение трудового народа...», которая не смягчит боль утраты, не вызовет в материнском сердце ненависти к противникам, а лишь, напротив, еще большей жалостью отзовется в их душах.

Схожие эмоции мы видим и в словах старой казачки, у которой ночует Григорий в Чукарином. Однако здесь возникает мотив непонимания военных действий, их цели, сложности и противоречивости революционного времени, что дополняет народный образ восстания, выписанный Шолоховым. Старая казачка упрекает Григория в безразличии к материнскому горю, в желании воевать: «*Я вон на вашу войну – лихоман ее возьми! – трех сынов выставила да ишо деда, на грех, проводила. <...> скоро замирень выйдет? <...> И на чуму они вам сдались? <...> Чисто побесились люди... Вам, окаянным, сладость из ружьев палить да на кониках красоваться, а матерям-то как? Ихних ить сынов-то убивают, ай нет? Войны какие-то попридумали...*» (2, с. 211). Старой казачке Гражданская война кажется бахвальством, желанием людей выслужаться, «на кониках красоваться».

Подобные суждения высказывает и тетка Аксиньи, однако ее мысли о противостоянии коммунистов и казаков, хоть и не лишены наивности, все же более приближены к жизненным реалиям: «*Ох, господи Исусе! Страсть-то какая! <...> И чего они взъелися один на одного? <..> Ох, Аксютка! <...> Что я, неприятель, что ли, им? С какой стати они будут в меня стрелять? <...> Они в казаков стреляют, казаки им, красным-то, неприятели, а я – старуха, вдова, на что я им нужна?» (2, с. 346). Возможно, в советскую эпоху такие суждения могли трактоваться в ключе того, что революционеры не враги трудовому народу, их враги – контрреволюция. Сложно предположить, закладывал ли такой смысл автор, однако важным здесь по-прежнему остается едва ли не набожный страх перед смертью, казалось бы, чужих людей. Старуха не боится, что вред причинят ей, при этом войну ее устами Шолохов называет «страстью». Любопытно здесь и слово «взъелися». В «Словаре языка Михаила Шолохова» находим такое толкование: «*невзлюбить кого-либо, постоянно придираясь, ругая, укоряя; притеснить*» [СЯМШ, 2014, с. 226]. Такой глагол словно снижает уровень серьезности конфликта коммунистов и казаков в глазах простых женщин-казачек, олицетворением которых является тетка Аксиньи.*

Наивность в отношении накала вражды между братом и мужем обнаруживается и в образе Дуняшки: «*“Может, и обойдется все по-хорошему... Ну, кончили воевать, чего им зараз-то делить? Хоть бы образумил их господь!” – с надеждой думала она*» (2, с. 668). Ей, молодой, но мудрой женщине, чужда та непримиримая ненависть, с которой Михаил Кошевой относится к Григорию. Дуняшке свойственно прощать и любить: она становится женой Кошевого вопреки тому, что он убил ее брата Петра. Несмотря на ее мудрость, решительность, от понимания сущности недоверия Михаила к Григорию, от стержня конфликта большевиков и восставших казаков она остается так же далека, как и остальные женщины «Тихого Дона». Ее надежде на примирение дорогих ее сердцу мужчин в рамках романа не суждено сбыться.

Как мы уже отмечали, женщины «Тихого Дона» не являются политически образованными, не анализируют события революций, войн и восстания с

позиции какой бы то ни было из сторон. При этом мы можем заметить в речи женщин оценки действий тех или иных персонажей, что также можно назвать значимой чертой шолоховского образа восстания.

Так, например, Ильинична неоднократно называет красных «анчихристами»: «Натальюшка. <...> зря не выходи на баз, а то увидят эти анчихристы...» (2, с. 393 – 394), «Пихнули их наши! Отступают проклятые! Бегут анчихристы!..» (2, с. 396). Приведем толкование слова «анчихрист» из «Словаря языка Михаила Шолохова»: «чёрт, нечистая сила (о человеке, животном и др.)», «именование казаками красноармейца как неверующего человека» [СЯМШ, 2014, с. 167]. Следует заметить, что такое отношение к коммунистам Ильинична выражает в тех случаях, когда они угрожают безопасности ее семьи. Схожее отношение в главах о более позднем периоде Гражданской войны она будет выражать и к Михаилу Кошевому: «...отнеси ему, анчихристу, нехай накроется» (2, с. 633). Причина этого ясна: Кошевой убил ее сына Петра, деда Гришаку; Ильинична злится на него, но позже сменяет гнев на милость, увидев, как Михаил относится к Дуняшке, детям Григория и к хозяйству.

Несмотря на то что «свои» для Ильиничны – восставшие казаки, не ко всем из них она благосклонна. Так, Митьку Коршунова она называет «супостатом» (по «Словарю языка Михаила Шолохова», супостат – «враг, недруг, захватчик» [СЯМШ, 2014, с. 839]). Таким образом, для Ильиничны врагом оказываются вовсе не коммунисты, а ее же родственник (напомним, что Коршуновы, будучи сватами Мелеховых, являются им близкими родственниками). Шолохов устами Ильиничны называет Митьку супостатом, потому что этот герой воюет не ради мира, блага для казаков или народа. Казни и войны – самоцель для Митьки: «...Митька ваш оказался истым супостатом! <...> нет чтобы <...> в верных частях служить, а он – вишь! – поступил в казнительный отряд! Да разве ж это казацкое дело – казнителем быть, старух вешать да детишков безвинных шашками рубить?! Да разве они за Мишку своего ответчики? Этак и нас с тобой и Мишатку с Полюшкой за Гришу красные могли бы порубить, а ить не порубили же, поймали милость?» (2, с. 455). Здесь также важно, что Ильинична не отказывает в справедливой оценке красным, которые не мстят семьям восставших казаков; но Митьку, который в качестве места службы избрал себе карательный отряд, да, к тому же, жестоко убил безвинных хуторян – мать Кошевого с маленькими детьми – она понять и простить не может.

Казачки «Тихого Дона» не вступают в ряды воинов во время восстания, не проливают чужую кровь (о единственном исключении будет сказано позже). Шолохов последовательно раскрывает в ряде эпизодов глубокое несоответствие женщины и войны. Например, в начале восстания писатель приводит описание перестрелки на подступах к хутору Татарскому, где Петро распоряжается о выводе всего хутора на позиции: «Хотелось ему задать красным острастку <...>

– *Весь хутор вышел.*

– *Да там, никак, и бабы! <...> Кинули б один снаряд в бабье войско, вот поднялося бы там!*» (2, с. 180). Это единственная сцена, где женщины принимают непосредственное участие в бою, если это их появление можно назвать участием.

Второй «военный» эпизод с участием женщин, демонстрирующий противоестественность женщины на войне, – расправа над пленными хуторянами. Как известно, за убийство пленными коммунистов женщин наградили медалями. Старики, рассуждая об этом, произносят важные для понимания ненормальности жизнеустройства во время братоубийственной войны слова: *«Диковинные времена заступили! <...> Бывалоча, на войне егорьевский крест али медаль давали <...> за геройства <...> Самым ухачам, отчаюгам! <...> А нынче медали бабам повешали... Да хучь бы было за что, а то <...> кольями побили пленных, обезруженных людей»* (2, с. 464). Для бывалых стариков награждение женщин за жестокое убийство безоружных мужчин – событие из ряда вон выходящее. Это преступление против человечности, что совершенно несвойственно добросердечной женщине-матери, жалеющей и любящей. Не понимают и не принимают это страшное преступление и сами женщины: Дуняшка безутешно плачет, а Ильинична отказывается ночевать с Дарьей в одном доме после того, как та убила Котлярова: *«Наша Дашка, стерва прокля-та-я... – в голосе Дуняшки слышались негодующие слезы, – ...она сама убила Ивана Алексеевича... стрельнула в него... <...> Маманя забоялась ночевать с ней в одной хате, ушла к соседям»* (2, с. 307). Так, женщины, на первый взгляд, не принимающие участия в восстании (не сражающиеся с противником, не ведущие политические беседы), не вступающие в полемику с красными, дополняют и без того колоритный образ Вёшенского восстания своими суждениями о поступках активных участников событий, эмоциональными откликами на них.

К слову, одной из характерных черт казачек, по Шолохову, является их эмоциональность, искренность и несдержанность в выражении чувств и переживаний. Женщины «Тихого Дона» и словесно, и невербально, что является одним из достижений шолоховского мастерства в сфере психологизма, ярко отзываются на происходящие вокруг горькие события.

Героини Шолохова, в отличие от героев-мужчин, согласно гендерным стереотипам, способны более явно выражать свои эмоции. Так, одна из казачек во время расправы над пленными осознает, какое страшное преступление она чуть было не совершила: *«Баба, замахнувшаяся колом на одного из еланцев, вдруг вскрикнула, бросила кол, – ухватив мальчонка на руки, опрометью кинулась в проулок»* (2, с. 299). Ужас от собственного поступка, обрушившийся на женщину, напугавшую собственного сына, отрезвляет ее, она «вскрикивает», бросает «оружие», «опрометью» бросается прочь. Шолохов, лишь штрихами показывает ее действия, тем самым приоткрывая нам ее внутреннее состояние.

Вся сцена расправы над пленными наполнена страшными звуками – душераздирающими криками женщин, страдающих от потери своих мужчин и от страшной жестокости, которая происходит у них на глазах: *«Вдова Алешки Шамиля, под свежим впечатлением еще не утихшего горя, кликушески заголосола»* (2, с. 302), *«Бабьи взвизгивания и крик, нарастая, достигли предела»*

напряжения» (2, с. 303), «накаляя и без того накаленную атмосферу, раздались истерические бабьи всхлипы, крик и голошенье по мертвому “дурным голосом”...» (2, с. 304). Крики и слезы, по Шолохову, – типично женская реакция. Даже Григорий говорит Наталье, непонимающей его безнравственное поведение на войне: «Ежли чижало тебе, ты покричи, – слеза ваша бабье горе завсегда мягчит» (2, с. 255).

«Тихий Дон» – значительное явление литературы, увековечившее историческую правду о трагедии народа, поэтому Шолохов, конечно же, не мог обойти стороной и крайние, идущие вразрез с типичным идеальным образом женщины-казачки, жизненные типы. Мы намеренно обходили до сих пор образ Дарьи Мелеховой, которая при всей ее нарочито подчеркнутой женственности крайне часто наделяется Шолоховым мужскими чертами. Именно Дарья – единственная из жительниц Татарского – охотно берет в руки оружие во время вывода хутора на позицию. Шолохов включает ее в число «баб поотчаяней», которые не стояли в отдалении по приказу Петра, а проникли в боевую цепь. Она сама просит мужа: «Петя, дай я стрельну по красному! Я ж умею винтовкой руководствовать» (2, с. 181). И, действительно, Дарья берет в руки оружие, желая убить противника: «Она <...> взяла Петров карабин; с колена, по-мужски, уверенно прижав приклад к вершине груди, к узкому плечу, два раза выстрелила» (2, с. 181). Этот несоответствующий женщине задор при обращении с оружием, эта бездумная уверенность при стрельбе по живым людям входят в контраст с поведением и внутренним миром женщины-казачки и женщины вообще. Эта сцена малозаметна в общем контексте эпизодов сражений, но это предтеча ужасающего по своей натуралистичности и жестокости эпизода убийства Котлярова. Шолохов словно подсказывает нам, что Дарья способна «стрельнуть по красному», кем бы он ни являлся.

Детально описано противостояние Дарьи с Иваном Алексеевичем: «Дарья <...> увидела зачугуневшее от побоев лицо Ивана Алексеевича. <...> Задыхаясь от подступившей к горлу ненависти, от жалости и томительного ожидания чего-то страшного <...> смотрела в лицо ему» (2, с. 303). Шолохов не лишает Дарью соответствующего женщине чувства жалости, а дальнейшее развитие событий все еще дает нам надежду на милосердие Дарьи: «Она подошла к Ивану Алексеевичу вплотную, часто и бурно дыша, с каждой секундой все больше и больше бледнея. <...> Звонящий, страстный тембр ее голоса, необычайные интонации в нем заставили толпу поутихнуть.

– Расскажи-ка, родненький куманек, как ты кума своего... моего мужа... – Дарья задохнулась, схватилась руками за грудь. Ей не хватало голоса. <...> – ... убивал-казнил? <...> – еще выше поднялся Дарьин стонущий голос» (2, с. 304). Шолохов отображает волнение Дарьи и в ее бледности, и в интонации, в сбивчивом дыхании, не дающем ей договаривать фразы, в «стонущем» – страдающем – голосе. Шолохов здесь словно проверяет Дарью на человечность. Недаром в пределах этого эпизода иные женщины «голосят», «опрометью кидаются» прочь от пленных, в то время как Дарья, «...подталкиваемая звериноподобным ожиданием толпы, <...> желанием отомстить за смерть мужа и отчасти тщеславием» (2, с. 305), совершает страшное преступление – убивает

безоружного полуживого кума, который, как известно читателю, не убивал ее мужа и тяжело переживал его казнь Кошевым. Дарья же, как и в сцене стрельбы по красным, здесь обращается с оружием и с чужой жизнью играючи, легко. Именно эту неосознанность (но не от состояния шока, а от несерьезного отношения к собственному поступку) детально прописывает Шолохов: Дарья, «движимая <...> разнородными чувствами», «неожиданно для самой себя» нажимает на курок, бросает винтовку, «не отдавая себе ясного отчета», неуместно «неестественным в своей обыденной простоте жестом» поправляет платок, подбирая «выбившиеся волосы», то ли прихорашиваясь, то ли вспомнив, что казачке неприлично ходить простоволосой. А затем, оставив в агонии Ивана Алексеевича, уходит «быстро и легко» (2, с. 305). Эта сцена – поистине одна из самых тяжелых в романе, по крайней мере, в главах о Вёшенском восстании, изобилующих батальными сценами, детальными описаниями смертей и массой натуралистических подробностей. Тяжесть восприятия этой сцены состоит в том, что женщина уподобляется мужчине, причем не просто мужчине-воину, а «казнителю» (вспомним, что именно так называет Ильинична Митьку Коршунова). Дарья, таким образом, при всей ее показной женственности ярко противопоставлена другим женщинам «Тихого Дона» – заботливым и любящим, способным на сострадание и прощение, готовым подвергнуть себя опасности ради спасения других.

Заключение

Создавая блестящую галерею женских типов, Шолохов стремится следовать исторической правде и воплотить дисгармоничное состояние мира, где женщины, сталкиваясь с потрясающими до основания все мироустройство событиями, в подавляющем большинстве своем не принимают участия в восстании и сохраняют присущие им женскую мудрость, чуткость, всеобъемлющее милосердие. Казачки не понимают и не стремятся понять смысл происходящих вокруг социально-политических катаклизмов. Для них война, восстание – это стихийное бедствие, которое обрушилось на размеренную жизнь казачьих станиц, которому человек не в силах противостоять, которое женщина не в силах обуздать. Но женщина, по Шолохову, сохраняет мир в собственной семье, страдая и самоотверженно любя. Она не рушит вековые традиции, а оберегает и созидает. Такие героини наделены авторской симпатией, так как художественная этика и эстетика Шолохова непосредственно связаны с традиционными основами мироздания. Не соответствующие этой ценностной парадигме героини (в нашем случае – Дарья) противопоставлены Шолоховым с помощью сюжетных коллизий, тропики, вербальных и невербальных характеристик «идеальным» женским образам.

В своей работе мы выявили, что при всей кажущейся отстраненности женских персонажей от событий Гражданской войны и, в частности, Верхне-Донского восстания героини-казачки играют значительную роль в воплощении художественного образа событий 1921–1922 гг., и особенно событий восстания. Все шолоховские героини живые, исторически полнокровные, словно вошедшие

в роман из самой жизни. Однако существенные различия функционирования женских образов в романе, отмеченные нами, позволяют сделать вывод, что при всей политической непросвещенности женщина не принимала военных событий, чуждых ее картине мира. В системе женских образов воплотилась духовно-ценностная сущность любого невоина, попавшего в гущу событий Гражданской войны. Многоголосие и созвучие этих женских голосов служат и выражению общей гуманистической направленности текста, и реализации образа патриархальной деревни, семьи, которую события первых десятилетий XX в. покалечили, и трансляции эстетической концепции автора. Противопоставленность женских образов батальным эпизодам романа, политическим перипетиям и противоестественная их вовлеченность в братоубийственную войну – характерная черта стиливого своеобразия шолоховского изображения Вёшенского восстания в романе «Тихий Дон».

Список источников

- Бирюков Ф.Г.* Художественные открытия Михаила Шолохова. М.: Современник, 1980. 368 с.
- Бритиков А.Ф.* Мастерство Михаила Шолохова. М.; Л.: Наука, 1964. 203 с.
- Ванюков А.И.* Часть как мера целого в романной структуре «Тихого Дона»: части первая, вторая, третья // Мир Шолохова. № 2 (16), 2021. С. 18 – 30.
- Воронин В.С.* Гражданская война как психологическая катастрофа в прозе Л.М. Леонова и М.А. Шолохова // Вёшенский вестн. № 22: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Шолоховские чтения-2022» и науч. статей. Ростов н/Д: Принт-Сервис, 2022. С. 82–93.
- Гура В.В.* Как создавался «Тихий Дон»: Творческая история романа М. Шолохова. М.: Советский писатель, 1989. 464 с.
- Дворяшин Ю.А.* М. Шолохов: грани судьбы и творчества. М.: Издательский дом Синергия, 2005. 224 с.
- Ермолаев Г.С.* Михаил Шолохов и его творчество. СПб.: Академ, проект, 2000. 448 с.
- Кукса П.В.* Оппозиция «мужское – женское» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-muzhskoe-zhenskoe-v-romane-m-a-sholohova-tihiy-don> (дата обращения 27.03.2023).
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* «В годину смуты. . .»: роман М. Шолохова «Тихий Дон» // Филол. класс. 2013. № 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-godinu-smuty-roman-m-sholohova-tihiy-don> (дата обращения: 26.03.2023).
- Семанов С.Н.* В мире «Тихого Дона». М.: Современник, 1987. URL: <http://m-a-sholohov.ru/books/item/f00/s00/z0000007/index.shtml> (дата обращения 14.03.2023).
- Семенова С.Г.* Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
- Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Словари.ру, 2014. 964 с.
- Стешенко Н.В.* Война в психологии женщин «Тихого Дона» // Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова / отв. ред. Н.И. Глушков. Ростов н/Д, 1996. С. 50 – 55.
- Творческое наследие М.А. Шолохова в начале XXI века / под ред. Ю.А. Дворяшина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 544 с.

Чалова А.П. Углубление христианского содержания концепции образа Ильиничны в романе-эпосе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестн. Сургутского гос. пед. ун-та. 2012. №5. С. 176 – 182.

Шолоховская энциклопедия / Коллектив авторов. Главный ред. Ю.А. Дворяшин; вступ. ст. М.М. Шолохов. М.: Издательский Дом «Синергия», 2012. 1216 с.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017.

Ягодина И.Д. Этнокультурный компонент репрезентации образа женщины в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 4. С. 36-45. DOI: 10.5922/pikbfu-2022-4-4.

Якименко Л.Г. Творчество М.А. Шолохова. М.: Советский писатель, 1970. 664 с.

References

Biryukov F.G. (1980) *Artistic discoveries by Mikhail Sholokhov*. Moscow, Sovremennik, 368 p. (In Russian).

Britikov A.F. (1964) *The mastery of Mikhail Sholokhov*. Moscow, Leningrad, Nauka, 203 p. (In Russian).

Chalova A.P. (2012) Deepening of christian contents of the image of Ilyinichna in the epic novel “And Quiet Flows the Don” by M.A. Sholokhov. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, pp.176-182. (In Russian).

Dvoryashin Yu.A. (2005) *M. Sholokhov: the facets of fate and art heritage*. Moscow, Sinergia, 224 p. (In Russian).

Ermolaev G.S. (2000) *Mikhail Sholokhov and his art heritage*. Sankt Petersburg, Academic project, 448 p. (In Russian).

Gura V.V. (1989) *How a novel “And Quiet Flows the Don” was made: a creative history of the novel by M. Sholokhov*. Moscow, Sovetskiy pisatel, 464 p. (In Russian).

Kuksa P.V. (2021) An opposition “male-female” in a novel “And Quiet Flows the Don” by M.A. Sholokhov. *The world of science, culture and education*, no. 2 (87). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-muzhskoe-zhenskoe-v-romane-m-a-sholohova-tihiy-don> (accessed 27.03.2023) (In Russian).

Leiderman N.L., Lipovetskiy M.N. (2013) “In a year of a discord...”: a novel “And Quiet Flows the Don” by M.A. Sholokhov. *Philological class*, no. 1 (31). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-godinu-smuty-roman-m-sholohova-tihiy-don> (accessed 26.03.2023). (In Russian).

Mikhail Sholokhov’s language dictionary (2024). Moscow, Slovary.ru, 964 p. (In Russian).

Semanov S.N. (1987) *In the world of “And Quiet Flows the Don”*. Moscow, Sovremennik. Available at: <http://m-a-sholohov.ru/books/item/f00/s00/z0000007/index.shtml> (accessed 11.04.2023). (In Russian).

Semenova S.G. (2005) *Sholokhov’s novels world. From poetics to the life-conception*. Moscow, IMLI RAN, 352 p. (In Russian).

Sholokhov’s Encyclopedia. (2012) Chief-editor Yu.A. Dvoryashin. Moscow, Publishing House “Sinergia”, 1216 p. (In Russian).

Sholokhov M.A. (2017) *And Quiet Flows the Don*. Scientific edition. 2 v. M.: IMLI RAN (In Russian).

Steshenko N.V. (1996) A war in women psychology in a novel A Quiet Flows the Don. *Russian wars of 20th century by M.A. Sholokhov*. Chief-editor N.I. Glushkov. Rostov-on-Don, pp. 50-55 (In Russian).

Vanyukov A.I. (2021) A part as a measure in a structure of “And Quiet Flows the Don”: parts one, two and three. *Mir Sholokhova*, no. 2 (16), pp. 18-30 (In Russian).

Voronin V.S. (2022) A civil war as a psychological catastrophe in a prose by L.M. Leonov and M.A. Sholokhov. *Veshenskaya Bulletin*, no. 22. Rostov-on-Don: Print-Service, pp. 82-93.

Yagodina I.D. (2022) An ethnocultural component of a woman image representation in a novel And Quiet Flows the Don by M.A. Sholokhov. *Baltic federal university named by I. Kant. Philology, pedagogics, psychology*, no. 4, pp. 36-45. DOI: 10.5922/pikbfu-2022-4-4 (In Russian).

Yakimenko L.G. (1970) *The art heritage by M.A. Sholokhov*. Moscow, Sovetskiy pisatel, 664 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Макарова Елена Сергеевна – аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Россия. e-mail: elenamakarova605@gmail.com

Information about the Author

Elena S. Makarova – post-graduate student. Moscow City Pedagogical University, Institute of Humanities, Department of Russian literature.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.